

Даниэль Брэйн

НЕ ЦАРСКОЕ
ЭТО
ДЕЛО

Где наша не попадала! Фэнтези о попаданках

Даниэль Брэйн

Не царское это дело

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Не царское это дело / Д. Брэйи — «Автор», 2026 — (Где наша не попадала! Фэнтэзи о попаданках)

Легкомысленную красавицу Александру ждет политически выгодный брак, но сперва женится государь: империи нужен наследник. Позор на венценосные головы — свадьбы расстроены. Двор линчует вчерашнюю любимицу, самодержец уходит в тень, а я очнулась в потерпевшем крушение поезде, получила чужую жизнь и в холодной роскоши жду рождения малышей, ищу исчезнувший артефакт, соперничаю с несостоявшейся мачехой за влияние на императора и сражаюсь с придворными монстрами.

© Брэйи Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Даниэль Брэйн

Не царское это дело

Глава первая

Кто мог бы его здесь потерять?

Кошелек из кожи усталого дерматина, какие я помнила с детства. У моей матери был такой, у бабушки, у кого только не было кошелька, набитого стертой мелочью.

Откуда он взялся, подумала я, наклоняясь и подбирая кошелек, и, кроме меня, никто его не заметил. Я нажала на тугой замочек, заглянула внутрь, перевернула, потрясла. Ни монетки, ни записки, лишь магия времени перенесла меня лет на сорок назад.

Мигающая лампа на потолке, сквозняк из щелей в окнах, две смены, заснеженный город, громыхающий обледеневший трамвай, белые фонари, безликий район стылых брежневских новостроек.

Красные галстуки, линейки, ненавистная школьная форма, охрипшие от крика учителя, двоечники, которых постоянно сажали за парты к отличникам, и спрашивали потом, кстати, с них.

Гулкие универмаги, обвешанные золотом продавщицы, мороженое за семь копеек, горячий багет, мандариновый Новый год.

Ручьи во дворах, запоздалый нежно-зеленый май, демонстрации, снова линейки, поделки мамам своими руками, хиленькие мимозы, «Арлекино» и «Феличита», соседка, играющая целый день на пианино.

«Дождик», цветы из поролона, «классики» на асфальте, четыре канала и фильмы, которые нельзя было пропустить.

Я сквозь туман ностальгии взглянула на стойку, где бармен сбивался с ног, но решила, что для кого-то кошелек дорог как память, и лучше отдать его на ресепшн.

И все-таки, кто мог бы его здесь потерять?

Крошечные отели называются «лоджи», постояльцы богаты до неприличия, английский у персонала желает лучшего. До половины неба поднимается стена белых гор. Туда идут смельчаки – или безумцы, и остаются в плену навечно.

Я не хочу хлестать судьбу, ко мне благосклонную, по щекам. Улыбайтесь, господа! Жизнь того стоит, даже когда ливень ломает планы и размытые восьмитысячники за окном кажутся пластиковой подделкой. Мир полон гармонии, даже когда за грохотом сингла очередной королевы чартов не разобрать живых голосов. Жизнь удивительна, несмотря на ведро, которое поставили в ресторане, потому что протекла крыша. Главное, чтобы эта самая крыша текла не у вас, господа.

Я выбила пальцами дробь по столу, сверкнуло кольцо – память о браке, и носила я его не оттого, что любила своего бывшего мужа, а потому что оно сразу давало понять, кто я.

Кошелек напомнил мне больше, чем я бы хотела.

– Нелепость ты такая! Одиннадцать лет, и все безрукая! – как наяву услышала я приворно-строгий голос матери, и сразу она переключилась на мою младшую сестру: – А ты неряха! Кто вас замуж возьмет?

«Замуж» было словом сакральным, мы росли изумительными хозяйками и наслаждались тем, что нам сызмальства доверяли и уборку, и штопку, и даже плитку. Мы создавали вокруг себя настоящую взрослую жизнь, меняли реальность простыми действиями. «Хорошая хозяйка из ничего сделает целых три блюда!» – уверяла мать и оказывалась права, а когда у

меня из пяти картофелин выходили драники, салат и суп, мне казалось, что я не меньше чем фея.

Я мечтала не о замужестве как о некой цели, а о собственном доме и огромной дружной семье, и чтобы не меньше пяти детей, а еще – о жаркой, загадочной кухне кафе или ресторана так, как другие девочки грезят о закулисье. Я священнодействовала у плиты, в восторге заранее от того, как будут рады родители и сестра, и воображала, что вот сейчас я приоткрою дверь и украдкой выгляну в зал, где надушенная знаменитость с нетерпением ждет заказ.

Стоит ли говорить, что рестораны я видела только в кино? Наша семья была гордой и дружной, но бедной. Мать – нянечка в детском саду, отец – водитель автобуса. Он, конечно, вовсе не водителем должен был быть.

Мать однажды не вернулась домой – говорили, пошла через реку от остановки, лед еще не устоялся. Перепуганный вдовством отец сбросил сироток на бабушку и сбежал к женщине поспокойней и помоложе, а я намотала себе на ус тщету социальных стереотипов.

Нашего отца, своего единственного сына, женившегося когда-то на «залетевшей лимитчице», бабушка не поминала ни добрым словом, ни плохим. Он существовал, платил алименты, а из «приблудышей» прямая, как палка, бабушка усердно лепила «интеллигентных людей». Делала она это самозабвенно, превращая нашу жизнь в накрахмаленный ад. Мне доставалось особо – это я своим появлением на свет вынудила будущего маэстро бросить консерваторию, как я могла.

Бабушкина квартира была уставлена священными вазочками, сервизами, статуэтками, под которыми красовались кружевные салфеточки. Мы задыхались от ковров, царапали щеки о негнущиеся наволочки. Супы, закрутки, пельмени, шитье и штопка сменились на подобающую девочкам из приличной семьи музыкалку. Завтрак, обед и ужин превратились чванливые ритуалы, три раза в год мы перемывали весь фаянс и фарфор, и я возненавидела праздники и каникулы. В комиссионных магазинах «выбрасывали» никому не нужную хрустальную муть, и затемно мы втроем вставали в конец длинной очереди. Ни криков, ни ругани, одни надменные лица, но в давке за тощенькими цыплятами в универмаге было больше жизни, чем в замерших дамах в тяжелых каракулевых шубах.

– Это все вам останется! – благоговейно шипела бабушка, выставляя, не дыша, очередную бесполезную статуэтку. В серванте давно не хватало места. – Это ваше приданое! Мать у вас деревенщина, что с нее взять! Вся кровь по отцу, из вас выйдет путное.

Путное не получилось. В одно такое стояние у меня заболел живот, вызвали скорую, определили аппендицит. Бабушка была на работе, Маришка осталась в очереди одна, и ее закономерено забрали в детскую комнату – растерянный девятилетний ребенок возле комиссионного магазина дружинникам не понравился.

Дело замяли, но я была в бешенстве. Едва выйдя из больницы, я забрала документы из школы и устроилась кем сумела – уборщицей в бывший НИИ. Бушевал тополиный июль девяносто второго, вместе со мной возили тряпками по этажам бывшие научные сотрудники, нас обходили по широкой дуге деловые товарищи с бычьими шеями и кожаными борсетками. «Уборщица – такая же нужная профессия, как и любая другая», – заметила я, глядя, как бабушка достает валерьянку и залпом пьет.

В пятнадцать лет я точно знала, что люди умеют притворяться.

Детские мечты растаяли, но бытовая магия оказалась волшебством. Нет, на мне не женился миллиардер в малиновом пиджаке, зато он заметил, что мой участок сияет чистотой. И раз в неделю меня забирала огромная черная машина и везла в пригородный поселок, где я под удивленным взглядом скужающей жены миллиардера наводила порядок в особняке. К жене приходили такие же тоскующие подруги, ахали и заманивали к себе, и вот я уже оставила свой техникум ради стабильного заработка в твердой валюте.

Часть денег, полученных за уборку домов богатей, я заботливо складывала, а часть меняла на быстро обесценивающиеся рубли и в свободные дни бегала по рынкам и магазинам. Чудесных средств для чистки и мытья на прилавках появлялось все больше, я экспериментировала, находила всему новое применение. Один из владельцев особняков проникся моими опытами настолько, что подсутился и открыл бизнес по импорту бытовой химии, а мне дал в конверте тысячу долларов – за идею.

Совершеннолетие я отметила визитом к важному, как индюк, юристу: он занялся оформлением покупки «однушки» в спальном районе, вопросами опеки над сестрой и регистрацией моей собственной фирмы.

– Яблоко от яблони, – простонала бабушка, картинно ломая руки и закатывая глаза. Актерство у нее всегда было паршивым. – Видеть вас, голодранок, не хочу. И ничего не получите. Вон отсюда.

Спектакль был для сотрудницы опеки, и на нее он впечатления не произвел. Я напоследок хлопнула дверью, понадеявшись, что бесценная тарелка сорвется со стены.

Маришка схватила судьбу за хвост, вышла замуж за веселого одноклассника Лешку и родила одного за другим троих детей. Вихрастый Лешка с годами превратился в Алексея Ильича, владельца фирмы по аренде строительной техники, Маришка – в Марину Сергеевну, многодетную мать и грозу всех школ и секций в ближайшем квартале, а я – в Александру Сергеевну, владелицу федеральной сети клининговых компаний. Между рождениями племянников, конференциями, открытием новых офисов, перелетами по миру и собственными днями рождения я исхитрилась окончить-таки и техникум, и экономический факультет, но дипломы если и обнаруживала среди документов, то вертела в руках, усиленно вспоминая, что это и куда мне это девать.

Сестра отправилась на седьмые роды, бабушке поставили диагноз «Альцгеймер». В минуты просветления она решила взять реванш и напустила на нас с сестрой опеку, я, не вступая в переговоры, дала указание найти пансионат, к вящей радости сводной сестры по отцу, после развода ютившейся с двумя малышами на съемной квартире. Жалостливые и обвиняющие взгляды решения моего не изменили. Болезненные пинки по спине, стояние в очередях и презрительно оттопыренную на «деревенщину» губу я не забыла даже спустя двадцать лет.

Сводной сестре и племянкам я оплатила два месяца в отеле в Геленджике, торжественно вынесла «приданое» на помойку и сделала в ковровой бабушкиной квартире современный ремонт. Таким образом мы все оказались в расчете.

Я стиснула кошелек в руках и положила его на стол. После короткой паузы вновь грянула музыка, молодежь повскакивала из-за столиков и отправилась танцевать. Дождь все так же стучал в окно, но за динамиками его не было слышно, и он бесился, словно ему не хватало того, что он поломал все наши планы и лишил всех такого привычного удовольствия, как вайфай.

Стоило выбрать другое время для поездки в Непал, но в сезон восхождений придется драться за каждый номер с миллиардерами, которым не терпится как можно скорее осчастливить наследством родню.

Я тоже миллиардер, только жить я хочу долго и счастливо.

Официантка поставила передо мной тарелку с теплыми баклажанами и пармезаном, я дружелюбно кивнула, сунула смартфон в карман спортивной жилетки, взялась за вилку и посмотрела на блюдо, которое вдруг пропало вместе со всем, что было на столе. Музыка оборвалась, и редкие пока еще крики заглушил грохот, будто планета спятила.

Я вскочила, зачем-то схватив кошелек. Землетрясение? Оно было в этих краях совсем недавно, почему я не вспомнила о нем, когда покупала билет! Свет мерцал, треск стоял оглушительный, все бежали к выходу, кусками валилась крыша и в прорехи плескалась вода.

Я увернулась от крупного обломка, свет погас. Я запнулась и поскользнулась, нога неуправляемо поехала в сторону. Я сейчас рухну на пол, и все, я расшибусь об обломки, на

меня налетит кто-нибудь, что-нибудь упадет мне на голову, и конец. Я сжимала кошелек и думала – лучше быстро. Люди внезапно смертны, почему, черт возьми, внезапно смертна я?

До фанатизма я любила жизнь, я не хотела, чтобы все закончилось как-то так.

Бесконечно долго я цеплялась за острые, словно стеклянные, края ускользающего бытия. Смерть, уставшая ждать альпинистский сезон, влетела под крышу фешенебельного отеля и собирала жатву. Меня она оставила напоследок и молотила в жерновах, обстреливала осколками, и то ли я была мокрая от ливня, то ли в крови.

В итоге дура с косой милосердно швырнула меня на что-то мягкое и бережно спрятала от самой себя. Я лежала, поджав под себя ноги, и боялась вдохнуть полной грудью. Тело ощущалось чужим, что-то упрямо и приятно толкало меня изнутри в живот, и тишина стояла кладбищенская.

Я выпростала руку и попробовала нащупать смартфон. Жилетку сорвало, лонгслив был изодран в мелкие клочья, иначе я никак не могла объяснить, что мне подвернулось – тонкое, нежное, как кружева. В другой руке я так и стискивала кошелек, потому что мы за каким-то чертом стремимся сберечь самое бесполезное, когда бесполезно пытаться сохранить жизнь.

Но я жива. Искалечена, с кукушкой набекрень, но жива. Мир постепенно приобретал запахи – пахло, как в метро тридцатилетней давности, и к креозоту отчетливо примешивалась гарь. В глазах плясали красные пятна, и я не сразу сообразила, что это бархатная занавеска, я в нее странным образом замоталась, и если не выберусь, она меня и удушит. Тяжело дыша, списывая горелую вонь и толчки в живот на причуды помутненного разума, я начала выбираться.

Стены и потолок давили со всех сторон, звуки напоминали стон земли, я обожглась и что-то металлическое и отдернула руку, ноги подчинялись плохо, и, приказав себе не гадать, что с ними стало, я принялась выворачиваться из ловушки, и что-то цепко меня держало. Я молча дергалась, и получалось продвинуться вперед, пусть и не без усилий. Где-то недалеко так грохнуло, что показалось – я опять оглохла, а мой сплюснутый гроб подпрыгнул.

Дезориентированная, я рванулась из капкана, пока он не захлопнулся, и мне на голову обрушились холодный ветер и ливень.

Да, ливень, так и должно быть. Ливень и рухнувший отель, все остальное – мое больное воображение, и это поправимо, современная психиатрия лечит и не такие состояния.

– Здесь огонь!

Голос показался мне детским. В лодже не было детей, нечего детям делать в месте, где взрослые люди надевают на себя высокогорную экипировку и начинают сознательно дергать смерть за усы. На крик я все-таки повернулась и увидела прямо перед собой красивое женское лицо с изумленно распахнутыми глазами.

– Аликс! Княжна Нина!

Нежный голос звучал в моей голове и отдавался болезненным эхом. Грохот снаружи повторился, но слабее. Я проползла мимо погибшей женщины, попробовала встать на колени и не смогла – места хватало и ноги были целы, но их путало что-то наподобие длинной юбки, а может, я опять замоталась в штору и стащить ее никак с себя не могу.

Если я не выберусь отсюда в ближайшие полминуты, угарный газ меня добьет. Вот эти крики, эти голоса, эти шторы – не то, что я слышу и вижу на самом деле, я умираю от удушья, счет на секунды. В ресторане было много людей, теперь все они жертвы, и я одна среди сотни тех, кому повезло выжить. Рассчитывать я могу исключительно на себя.

– Мама! Мапочка! Мама!

Кричал ребенок, маленький, лет пяти-шести, и кричал так отчаянно, будто прекрасно знал, что никто, кроме матери, ему не придет на помощь. И это были уже не галлюцинации.

– Мама!

Глава вторая

Мама тебя не спасет, малыш. Прости ее за это.

Голой ступней я задела что-то раскаленное и коротко взвизгнула. Прямо перед глазами болталась очередная тряпка, я вцепилась в нее и без особых усилий сорвала.

– Аликс!

Щель была недостаточно широкой, чтобы в нее смогла протиснуться я, но определенно ее хватало, чтобы пролез ребенок – девочка лет десяти в светлом перепачканном платьице. В ответ на ее немую просьбу я замотала головой, и картинка перед глазами поплыла. Я закусила губу, это не помогло, но ногой я снова задела что-то горячее и опомнилась.

– Нет, милая, нет. Туда нельзя, там огонь, – быстро заговорила я, молясь, чтобы малышка не спросила меня, где мама, потому что я не готова приносить ей такую страшную весть, пусть это будет кто-то другой, только не я. – Там все горит. Попробуй посмотреть вон туда. Выше. Еще выше. Прямо над твоей головой.

Я могла ошибаться, но мне казалось, там выход. По обломкам и обрывкам метались отблески, наверное, стробоскопов, оттуда текли потоки воды и леденил кожу воздух.

– Беги туда. Слышишь?

– У тебя кровь, Аликс, – жалобно захныкала девочка. – Иди сюда, я боюсь.

Я рада бы, милая, но, видишь ли, голова – все, что пролезет в эту чертову щель. Я все-таки дама довольно крупная.

– Беги! – приказала я, рассмотрев шевеление в углу изломанной бархатной клетки. – Беги туда, вверх, быстро!

Малышка обернулась, протянула кому-то руку, и я снова услышала жалобное, безнадежное, совсем детское «Мама!» – господи, это какой-то кошмар, грохот, потоп, огонь и дети. Дети, которых не должно в этом проклятом лодже быть.

– Мама! – повторила кроха, и девочка постарше строго заметила:

– Иоанна, мама умерла. Идем. Аликс сказала, чтобы мы выбирались.

Время утратило нормальный ход, текло вязко, как кленовый сироп, но вряд ли больше пары минут прошло с тех пор, как я начала видеть, слышать и осознавать опасность. То, что я видела сейчас, пугало сильнее, чем катастрофа – мертвая женщина и ее дочери.

– Ваше императорское высочество! Княжна! Ваше сиятельство! Ваше императорское высочество! Александра Павловна!

То, что я слышала, я старалась не принимать всерьез. Мои галлюцинации были не главным.

– Слышите? Бегите туда! – выдохнула я малышам из последних сил. Над прорехой маячили тени, кричавшие странные вещи, и мне было плевать, что они там несут, важно, что они грохотали по металлу ногами и заглядывали внутрь горящей коробки.

Я как-нибудь выберусь сама. Но это неточно.

Малышки карабкались по обломкам, и у меня замирало сердце. В прореху, достаточно большую, свесился мужчина, протянул руки к маленькой Иоанне, которую вторая девочка пыталась тщетно подсадить вверх.

– Великая княжна Иоанна! – закричал мужчина, и, наверное, его радостный вопль никто не разобрал за лязгом и ливнем. – Великая княжна Елизавета!

Он схватил Иоанну, выпрямился и передал ее кому-то, подхватил Елизавету – она была явно тяжелее, но мужчина справился. Я понимала, что мой жалкий писк спаситель, конечно же, не расслышит, но не попытаться не могла.

– Я здесь! – закричала, и опять перед глазами заплясали круги. – Я здесь, эй, вы, там!

И не только я, тряпка в углу колеблется. Мне не померещилось, под завалами кто-то есть. А ногу мне жжет невыносимо.

– Здесь еще люди!

Человечно ли призывать спасать нас, когда крышка гроба вот-вот захлопнется?

– Александра Павловна! Ваше императорское высочество! Мария Павловна!

– Я зде-е-есь!

В дыру сунули горящий факел, и для меня огня оказалось многовато.

– Вытащите на-ас! – заверещала я, понимая, что я, бесспорно, обречена, и добавляла для мотивирования выражения, в приличном обществе неуместные. – Вот там, смотрите, там кто-то есть!

Велик и могуч язык, который работает, как заклинание, спаситель спрыгнул к нам, он был немолод, одет в разорванный мундир, и вместо того чтобы наорать на меня в ответ, беспрекословно начал пробираться, куда я указала. Ткань в углу шевелилась, мужчина сдернул ее, и я оглохла от женского визга, а ноги окатило из ведра с ледяной водой.

Мужчина на истеричный вопль не обратил никакого внимания. Стоя на коленях, он вытаскивал кого-то в белом из-под обломков. Ногу перестало жечь, но теперь я лежала в луже и не умирала от холода лишь потому, что страх был сильнее.

– Эй, – захрипела я, стуча зубами. Мужчина меня не услышал, он поднимал на руки еще одну девочку, старше, чем первые две, и до меня дошло, что они все не в платьях, а в нижнем белье, в рубашках.

– Живая! – крикнул мужчина, держа девочку на вытянутых руках, будто она была прокаженная. Висок у девочки был испачкан в крови. – Великая княжна Мария жива! Носов, сюда, ко мне!

Уши заложило, звуки слились в неразборчивый гул, зрение на пару секунд пропало, а ноги потеряли чувствительность. Я осталась равнодушна, какая разница, если не принесут ацетиленовую горелку и не разрежут сплюснутый металл, в этом гробу меня и закопают. Вместе с уже мертвой красавицей, которая сейчас подползет ко мне, ухватит за щиколотку, утянет в небытие. А я прихвачу вот эту истеричку. Черт знает, что это за женщина в белом, пусть идет с нами, вместе нам будет веселей.

– Ваше императорское высочество! Александра Павловна! Благодарение высшим силам, живы! – услышала я мужской голос прямо над ухом и очнулась. Женщину в белом заталкивали наверх, она рыдала и взвизгивала, дергая молочными полными ногами. Дура, ты ведь могла попасть ко мне в лапы, я бы уже не выпустила тебя.

– Не все, – одревеневшими губами попыталась произнести я, но вышло безудержное клацание зубами. – Она умерла. Там... – Я мотнула головой. – Она умерла.

Разобрал мой спаситель хоть слово или нет, но погибшая женщина его занимала меньше, чем я, обреченная, но еще живая.

Он с силой потянул меня в прореху, и тело прострелила адская боль, словно меня запихнули в мясорубку. Одна моя рука была подвернута, ключица прижата к острому обломку, в бок впился металлический штырь. Мужчина уже отпустил меня, а я все еще орала.

– Меня ты не вытащишь, – взяв себя в руки, выкрикнула я и мгновенно смирилась. Я отсрочила собственную смерть на десять минут, уже неплохо, мертвая подруга меня заждалась. – Уходи. Дети... детей спасли?

Вот и славно.

Впереди по ткани, которая прятала под собой девочку без сознания и полуодетую женщину, запрыгал резвый оранжевый огонек.

Я получила пинок в живот, потом еще один. Мой спаситель кричал кому-то что-то, а я, воспользовавшись моментом, посунулась немного назад.

Нет, я рано сдалась, очень рано. Я сейчас повернусь, как бы ни было нестерпимо и как бы ни пошла от такого простого движения кругом голова, и даже если штырь проткнет мне бок, извернусь, суну в щель руку, затем плечо, потом голову. Нет, так не выйдет, надо попробовать просунуть сразу обе руки, потом голову, так будет легче. Будет больно, но ноги уже ничего не чувствуют, ими можно пожертвовать, бок зашьют, не насажусь же я на этот штырь, как курица на гриль, в конце концов. Да, будет больно, но разве жизнь не стоит того?

От рывка мне вывернуло все суставы, и на мгновение я потеряла сознание. Но очнувшись я почти сразу, мужчина толкал меня перед собой, я ползла, ударились обо что-то коленом – господи, да это же столик, это поезд! Отверстие наверху – разбитое окно. А ноги все-таки целы.

– Что случилось? – простонала я, хватаясь за руки, которые тянулись ко мне сверху. Руки мужские и в перчатках. Почему светлые кожаные перчатки? – Почему поезд?

Действительно, почему?

– Ее императорское высочество ранена! – доложил молодецким гаком мой спаситель, и мне захотелось его лягнуть. Он был ни в чем не виноват, просто теперь я спаслась, а слуховые галлюцинации никому не делись.

Если моя сумочка пропала, а она пропала, спору нет, пропали страховка и документы. Меня отправят в какую-нибудь больницу, где наловчились накладывать гипс и лечить обморожение, а мне нужны невролог и психиатр, и неотложно.

Меня выволокли под струи воды, не удержались, и все мы рухнули с не слишком большой высоты в омерзительно ледяную лужу. Удар показался несильным, но, может быть, после полученных травм я и асфальтовый каток могла не заметить. Ливень шпарил нешуточный, выдирали кости из мяса и накручивали их на вертел, я повернула голову и посмотрела, что чуть не стало моей могилой.

Огромный синий вагон, выжатый ручищами великана и отброшенный под откос. Он лежал на боку, уже не дыша, и алые занавески свисали из разбитых окон, как языки. Если кто внутри и оставался...

На шторах отплясывало пламя. Сантиметр за сантиметром оно разгоралось, и ливень ему не мешал, лезть в вагон – не щадить себя.

Если та женщина еще жива, а я нарекла ее мертвой?

Меня подняли, набросили на плечи что-то тяжелое, я проморгалась, утерла лицо ладонью, сделала босыми ногами пару неуверенных и очень болезненных шагов, как Русалочка, и увидела, что метрах в тридцати лежат другие искалеченные вагоны.

Они сошли с рельсов, опрокинулись, съехали по насыпи, поломали молодые деревца, третий вагон оперся боком на одинокую вековую сосну. Дорога делала поворот, уходила вправо за лес, а за насыпью до самого горизонта простиралось голое поле. Апокалипсис только начался – над полем сверкнула первая молния, прогрехотал гром, на доли секунды я увидела конец света.

Обожженная нога почти ничего не чувствовала, вторая нога каменела уже от холода. Изображение то появлялось, то пропадало, как будто щелкали пультом от телевизора, и точно так же менялся с глухого на резкий и пронзительный звук.

Мне хотелось задрать голову к небу, увидеть на низких плачущих облаках красные и синие блики машин скорой помощи. Хотелось согреться под тонким высокотехнологичным одеялом, довериться опытным и умелым врачам и принять, что реалистичный кошмар был кратковременный и закончился. Благополучно закончился и насовсем.

Но я понимала, что нет. Люди были одеты странно и не походили на спасателей. Что-то горело и дымило черным, наверное, паровоз. Я видела гербы на нашем вагоне и соседнем. Я сделала пару шагов, плащ с плеч свалился, следом и я шлепнулась на колени, потом просто уселась в грязь. Не видно спасенных малышей, зато на расстоянии вытянутой руки – но это если подняться, а я подниматься не стану, много чести, – стоит полураздетая женщина в белом.

– Эй, эй, – я дернула ее за рубашку – а эту женщину никто прикрыл от ливня! – она обернулась, я свободной рукой потащила по грязи упавший плащ. – Эй... укройтесь.

Да я издеваюсь?

Женщина смотрела на меня как на диковинку. Я беспомощно пожала плечами – помогаю чем могу. Ты обиделась, что я позволила тебя вытащить, что выбралась из передраги сама, а мы ведь уже договорились, что будем подругами на том свете?

Впереди что-то происходило, я в попытке сфокусировать зрение присмотрелась и увидела, что возле насыпи лежат несколько человек. Мужчины и женщины, ничем не накрытые, со спокойными лицами. Потом я услышала отчаянный детский крик.

– Папа – папа – папа – папа – папа! – не переставая вопила самая маленькая из спасенных девочек, делая характерное ударение на последний слог, и пронеслась мимо меня, топая босыми ножками и поднимая грязные брызги. Из окна ближнего к нам вагона, совсем как недавно я, вывалилась женщина, рухнула с порядочной высоты, и к ней побежали люди.

Что-то затрещало, земля затряслась, воздух схлопнулся. Взметнулось пламя, я сидела, раскинув нелепо босые израненные ноги, и пыталась дышать. Через странную, словно из оргстекла, плену я видела, как из того же окна выпрыгнул статный мужчина, и все, кто еще оставался жив, почтительно сложились пополам.

– Идиоты, – пробормотала я и добавила еще одно слово, но практически про себя.

Надо встать, надо дойти, сказать, что среди тех, кого они посчитали мертвыми и сложили под дождем, могут быть раненые, что их надо отнести в укрытие, иначе у всех будет тяжелая пневмония. Надо сказать, что в нашем вагоне еще мог кто-то остаться жив. Надо напомнить этим непроходимым тупицам, что существует номер службы спасения. Бегать и кланяться они будут потом. Что за важная птица была в отеле?

Почему поезд? Почему не проклятый лодж?

Девочка повисла на шее у спрыгнувшего из вагона мужчины. К ним подбежали Елизавета и старшая девочка. Мария. На ее виске я видела кровь, значит, мне надо...

Мне надо...

Звуки сливались, только пронзительный счастливый визг резал слух.

Постараться...

Кое-как поднималась на ноги выпавшая из окна вагона женщина, мужчина, продолжая обнимать ребенка, сделал к ней несколько шагов.

Не умереть...

Нет-нет, я не хочу умирать, не хочу, пусть все останется – поезд, крушение, эти люди, эти девочки. Даже бунт в моем животе пусть останется. Что со мной творится такое?

Еще раз...

Глава третья

Надо мной склонялись незнакомые, странно выглядящие люди – мужчины с одним сверкающим глазом и женщины, которые двигались, как шарнирные куклы. Все они щупали мой живот, вытирали мне пот со лба, пытались поить, перетряхивали мою постель, постоянно открывали настежь окно, и я мерзла. Я порывалась им сообщить, что меня нужно оставить в покое и вызвать наконец-то нормального врача, но безуспешно. Меня или никто не понимал, или попросту никто не слушал.

В горячке я проваливалась несколько дней, и все это время крушение поезда, девочки, отец этих девочек, взрыв и пожар, наше спасение и погибшая молодая женщина мне казались фантомами. Последствиями высокой температуры. Ливень был настоящий, его я помнила хорошо, как и обрушение крыши отеля, и именно ливень, по моему глубочайшему убеждению, был причиной моей болезни и бреда.

Измученный организм справлялся с травмами своеобразно – переключая мое внимание с обожженной ноги и раны на голове на странности. Я открывала глаза и видела над головой изумительно синее небо и жирных белоснежных голубей, нависшая надо мной пожилая суровая дама пыталась открутить мне голову и напоить, а я закономерно ждала, что голуби на меня нагадят. Не зря же они так зависли, какая эффектная точка в финале – в дерьме так в дерьме, но нет.

Потом то ли мне стало легче, то ли совсем паршиво, но я рассмотрела, что голуби по контуру обведены золотым. Я зажмурилась, застонала и отпихнула жилистую руку суровой дамы. Надоела.

Даже старшая девочка, которую я видела несколько раз урывками – как ее имя? Мария, да, точно, просто Мария! – меня раздражала. Она приходила, наклонялась ко мне и что-то не переставая говорила. Мне хотелось уснуть, а навязчивая реалистичная галлюцинация могла вывести из себя кого угодно, и я скрипела зубами и отворачивалась.

Но я была рада, что Мария из видений жива и здорова и не пострадала в почудившейся мне железнодорожной катастрофе.

Я уснула в конце концов, проспала неизвестно сколько и очнулась от тонкого солнечного луча, кравшегося по постели. Я открыла глаза в надежде увидеть приличный госпиталь – и закрыла их, потому что температурные галлюцинации продолжались.

Над моей головой в самом деле был усеянный толстыми голубями светло-синий потолок, если глянуть чуть вправо – занавешенное светло-голубой шторой окно, позолоченный столик с подсвечниками и подозрительными склянками. Я поклялась, что не позволю себя из них поить. Удушливо пахло тяжелыми старинными духами, было зябко, но не настолько, чтобы я немедленно потребовала позвать ответственный персонал.

Я повернула голову и увидела, что рядом с моей кроватью сидит с невозможно прямой спиной та самая пожилая женщина, которая ухаживала за мной. Она дремала, глаза ее были закрыты, и я негромко окликнула ее по-английски. Она моментально проснулась, и на лице ее были облегчение и отвращение одновременно.

Меня искалечило так, что на меня теперь нельзя смотреть без ужаса? Наплевать, пластических хирургов я могу себе позволить каких угодно, и мне не двадцать лет, чтобы плакать по волосам, едва не потерявши голову.

Женщина быстро поднялась и почтительно поклонилась.

– Ваше императорское высочество, – проговорила она с таким видом, словно я в этом была виновата. – Вы пришли в себя, я сейчас же доложу об этом ее сиятельству...

– Доктор далеко? – перебила я. Голос звучал хрипло и незнакомо, желудок сводило, казалось, что если я оторву голову от подушки, то упаду в голодный обморок. – И вообще-то я хочу есть.

– Да, ваше императорское высочество, я немедленно распоряжусь, – пятась, известила женщина и пропала за белой с позолотой дверью.

Я глубоко вздохнула несколько раз. Несмотря на слабость, голова была ясная, слух подводил, что в общем не удивляло, нога лишь слегка саднила и щекотало в животе. Лечение оказалось результативным, хотя, судя по караулящей меня даме, это не госпиталь, а дурдом, причем пациентам дозволено иногда притворяться врачами.

Помпезная роскошь пристанища для скорбных духом лезла в глаза – крикливая, как на сцене дешевого варьете, хотя что-то подсказывало, что ни о какой дешевизне не идет речи. Как меня эта дама назвала – ваше императорское высочество? Где в таком случае мои слоны, где мои магараджи?

Я вытащила руку из-под одеяла и пощупала лоб, но физически я исцелилась, а вот психически, похоже, оказалась больна серьезней, чем предполагала. Дверь приоткрылась, и к кровати подлетела настырная девочка из бредового сна. А я считала, что он закончился.

– Аликс! – тихо воскликнула Мария, падая на колени, хватая мою руку и прижимая ее к губам. – Милая Аликс! Как ты себя чувствуешь? Папенька живы, благодарение небесам, и Лизонька, и Иоанна, и графиня, и... – она подняла голову, заглянула мне в глаза, взгляд ее стал жестким, совершенно не детским. – И ее сиятельство. И... мадемуазель Нина погибла.

Я восприняла эту новость не так, как она ожидала. Мария нахмурилась, стиснула мою руку. Удивляло, сколько в ней взрослого, причем не наносного, несмотря на ее настоящие тринадцать-четырнадцать лет.

– Папенька злятся на тебя. Аликс, что же ты натворила?

Не я же устроила это крушение? Поэтому я пожала плечами, а Мария отчаянно замотала головой.

– Пока ты лежала в горячке, папенька...

Она вздрогнула, прислушалась, и пока я пыталась понять, что ее насторожило, Мария легонько прикоснулась губами к моей щеке и убежала. Я распласталась под одеялом, раскинула руки и ноги, и у меня довольно отчетливо шумело в ушах.

Неразборчивый негромкий шум перешел в цокающие шаги, дверь опять открылась, впустив мою сиделку и невысокую даму лет тридцати, полную, в скромном, но недешевом платье, исполненную такого достоинства, что у меня скулы свело. Дама посмотрела на меня, скупым властным жестом велела приведшей ее женщине выместись вон, подождала, пока дверь закроется, и нависла над моей постелью.

У дамы было неприятное лицо, давящий, тяжелый взгляд из-под набрякших век, и голос оказался не менее противный, будто скрипели жернова.

– Я рада, что вы пришли в себя, Александра, – доложила она, поджав тонкие губы, и я вообще перестала их видеть – только прорезанную щель. – Я молилась о вашем здравии, хотя прежде мне стоило молиться о вашем благоразумии.

– Угу.

Дама сделала вид, что не заметила.

– Теперь же я начну молиться о вразумлении его императорского величества и о ниспослании ему умягчения сердца. Как женщина, я не могу вас не понимать и позволить удалить вас от двора, из вашего дома, в таком положении. Как ваша будущая мачеха, я не могу вам потакать и потворствовать, как это делала покойная княжна Нина. Мир праху ее! Как будущая императрица, я приложу все усилия, чтобы последствия вашей беспечности и вашего легкомыслия не повредили государственным интересам.

У меня от ее болтовни начала трещать голова, и я не стала сдерживаться и застонала. Мне хотелось рывкнуть, что я хочу даже не есть, а жрать, а не вникать в какие-то тайны мадридского двора на голодный желудок. Дама же упивалась своим величием и снисходительностью ко мне.

– Ваша болезнь в каком-то смысле для вас спасение. До самых родов вы останетесь здесь, Александра, – кивнула дама, и снова губы стянулись в щель, – и будем молиться, чтобы все прошло благополучно, а после, как мне удалось убедить его императорское величество, вы выйдете в свет, как оправитесь. Ваших детей, я нисколько не сомневаюсь, устроят в достойнейшие руки, памятуя, что в них хотя бы с вашей стороны течет великодержавная кровь.

– Ты что несешь? – прохрипела я, силясь подняться, и дама, выпучив глаза, подавилась своей торжественной тихой речью. – Какая кровь, какие роды?

Я не беременна, у меня нет детей и не может их быть, бестактная дура.

Глаз у дамы задергался, губы опять сошлись в нитку, но больше ничем она недовольства не показала.

– Доктор Нильссон подтвердил ваше... положение, Александра, отпираться бессмысленно, – предупредила дама, дернув теперь уголком губ. То ли она страдала синдромом Туретта, то ли разговор этот давался ей нелегко. – Свидетелей вашего грехопадения оказалось немного, и да, доктор Нильссон сказал, что у вас будет двойня. Для вас, возможно, это сюрприз.

Однажды в январе я поехала на край земли – на берег Тихого океана. На берегу, усыпанном черным песком, не было никого, даже вездесущих чаек, студеные воды ластились ко мне, но едва я зазевалась, ноги обдало сильной волной до колен. Шум в ушах накатывал так же, как обманчивая волна.

Сколько лет, сколько раз, сколько клиник, сколько лучших врачей в разных странах – тщетные попытки, виноватые лица, эко за эко, на мне не оставалось живого места после анализов. «Комбинированное бесплодие» – доктора разводили руками, наука была бессильна, я держалась, стараясь не впадать в отчаяние, и бесшабашная улыбка стала моей визитной карточкой.

Прекратила попытки я только тогда, когда мне исполнилось сорок шесть. Возможно, я переросла – перестарела – собственную беду.

– Доктор сказал, какой у меня срок? – почти теряя сознание, пролепетала я.

– Вам рожать примерно через четыре с половиной месяца, – брюзгливо ответила дама, и на бледных ее щеках заиграл подозрительно стыдливый румянец. – Вам, Александра, лучше знать.

Четыре с половиной месяца. Моим малышам уже четыре с половиной месяца. Я беременна, и моим детям уже четыре с половиной месяца.

И эти изверги держат меня впроголодь?

– Если я еще раз, – выдохнула я, все-таки садясь на кровати, одной рукой опираясь, другой закрывая живот, – услышу...

Что услышу? Угрозы в адрес детей в моей утробе? Да, и это тоже.

– Мои дети, – отчеканила я, плавая в бассейне с эндорфинами и ничего не видя перед собой, – останутся со мной. Я их мать, и никакая сила, никакая воля, никто, совершенно никто их у меня не отберет.

Дама слушала мой выразительный монолог, нервно заламывала пальцы, и я, не отрываясь, смотрела на ее холеные руки, надеясь, что она переусердствует. Отвечать мне она не торопилась, а мне было без разницы, что она скажет.

Я беременна. Этого просто не может быть.

Я зачала, и я вынашиваю двойню. Это какая-то магия. Просто фантастика. Это чудо, и я принимаю этот неожиданный дар.

– Я пришлю доктора осмотреть вас, Александра, – наконец изрекла дама, но руки терзать не перестала. На ее пальцах сверкали кольца с огромными, плохо обработанными камнями,

такая небрежность в ювелирном деле меня сперва смутила, насколько я помнила шедевры этого времени. Дама блеснула камнями в очередной раз, и до меня дошло, что кольца – антиквариат и безумная фамильная ценность. Им века полтора, может, больше.

Слабость после болезни накрывала неожиданно. На лбу выступила испарина, и я упала на слишком высокие подушки.

– Извольте титуловать меня, как должно, – желчно посоветовала я даме. Будущая императрица, моя будущая мачеха. Вот наденешь корону, тогда посмотрим.

Ты ее, впрочем, сначала надень.

Но дама оказалась не промах. Я расслышала издевательский смешок и до приторности учтивый голос:

– Как вам будет угодно, ваше императорское высочество.

Послышались удаляющиеся шаги, закрылась дверь.

– А жрать? – проворчала я себе под нос, и никто меня не услышал.

Я оказалась в препаришвейшем положении. Пленница в золотой вычурной клетке. Беременная пленница. Если верить словам дамы, а не верить ей, несмотря на мою к ней антипатию, оснований не находилось, – Александра своей беременностью здорово подгадила геополитике отца. Дама уверяла, что в данном случае на моей стороне, и даже если оно так и было – решение, которое мне предлагали, меня не устраивало.

Я буду матерью. Дети останутся со мной. К чертям свинячьим условности и все международные скандалы.

Мысль не укладывалась в голове. Я сунула руки под одеяло. Животик уже внушительный, срок небольшой, но из-за того, что я жду двойню, он заметен. В клетку меня заперли только сейчас – что там дама плела про свидетелей моего грехопадения и погибшую княжну Нину? Эта княжна, вероятно, была моей наперсницей и кое-что знала, я надеюсь, погибла она не потому, просто... несчастный случай. Железнодорожная катастрофа. Она не единственная погибшая.

Но она могла знать, кто отец моих малышек. Я хмыкнула, потому что – я не лежу под забором, и если мне не несут разносолы, то это из вредности и чтобы меня проучить, а вовсе не потому, что в царских подвалах мышь повесилась. Дочь императора не пойдет по улицам с протянутой умоляюще рукой. Даже если – нет, когда! – я рожу малышек, отец, почесав под короной лысину, отправит меня куда-нибудь с глаз долой, чтобы я не смущала своим вольнодумием умы подданных. Все равно у меня будут средства к существованию. Будет крыша над головой, а дворцы и раболепие явно не то, чего мне не доставало в жизни.

Я с радостью променяю постель под голубями на маленький домик. И, повернувшись, я злобно скинула на пол одну из подушек – ах вот что значат «беременные капризы», и это меня даже умилило.

Потом я моргнула, не веря своим глазам, и, помедлив, взяла кошелек.

Он оказался у меня под подушкой, тот самый потертый кошелек из моего детства, из лоджа в горной деревушке, и сейчас я видела, что он кожаный, не дерматиновый, но в полумраке ресторана чего было не ошибиться. Я уселась, поглаживая живот и окунаясь в гормональное безумие, и нажала на замочек.

Как прежде, кошелек был пуст, и я не понимала, как он здесь очутился. Я держала его, когда погибала под крышей лоджа, и держала, когда очнулась в потерпевшем крушение поезде. Я его сразу бросила прямо там, рядом с умершей женщиной, – на кой он мне сдался? – и вот он лежит под моей подушкой. И жжет мне пальцы.

Я, сглатывая голодную слюну, осматривала комнату. Она похожа на большую и бестолковую студию – обеденный стол, обитые расписной тканью стулья, ширма опять-таки с голубями. И ничего, похожего на мусорную корзину, нет, не царское это дело – выбрасывать мусор.

Меня угораздило. Господи, почему не купчиха, не мещанка, не помещица, да я обрадовалась бы даже крестьянке! В этом проклятом дворце мне еще несколько месяцев выносить сахарное притворство и злорадные взгляды всех, кому я попадусь на глаза. Здесь мою жизнь будут подчинять правилам, ритуалам, условностям, какие не снились никогда никому. В моем двадцать первом веке из королевских дворцов сбегали...

Бабушка издали захихикала мерзко. Меня передернуло от ощущения, что она стоит возле моей постели, невидимая, и зубоскалит. Круг замкнулся, меня снова заковали в кандалы.

Я оказалась ни жива ни мертва, в эпохе, которая меня никогда не прельщала, и в статусе, который я с удовольствием променяла бы на любой другой. Чтобы мне не хотелось быть раненой волчицей – я беременна, и это, конечно же, главный приз...

В окошко что-то слабо стукнуло, я вздрогнула, переползла к краю кровати, спустила ноги. Стекло задребезжало снова, кто-то проявлял нетерпение, и я рискнула. Наверное, никто не собирается меня убивать и не ждет, пока я подойду неразумно к окну, чтобы всадить мне в лоб пулю.

Глава четвертая

Я сделала пару шагов и поняла, что быть беременной не так и просто. Животик уверенно выпирал, носить его было тяжеловато, но срок на свой непросвещенный взгляд я определила небольшой. Месяца четыре, быть может, пять. Худенькой и изящной новой мне беременность скрывать было практически невозможно, и пока я шла к окну, недоумевала, как никто не заметил, что Александра в положении, до того как я оказалась в ее теле.

Спасали фасоны? На платье моей несостоявшейся – и оттого озлобленной – мачехи талия немного завышена. А еще Александра могла утягиваться. Дура. Когда случилась авария, ей стало уже не до скрытности, а еще она больше собой не была.

Я подкралась к окну и осторожно выглянула на улицу. Сперва мне показалось – никого, потом я заметила шевеление в лысоватых осенних кустах, и мгновенно меня прошиб холодный пот, я шарахнулась и прилипла спиной к стене, а сердце застучало набатом.

– Аликс!

О господи, это кто-то из малышей!

Как открыть окно, я не имела ни малейшего представления. Да, из кустов выглядывала маленькая бандитка королевских кровей – Лиза, ее зовут Лиза. Удрала, наверное, от гувернантки, подумала я, безнадежно дергая раму, но что-то сделала, видимо, правильно. Окно подалось, я подняла его и перевесилась наружу, благо что подоконники были невысокими.

– Аликс! – крикнула Лиза, продираясь через ветки, не обращая никакого внимания на поцарапанные руки. – Аликс, мы не позволим тебе уехать! Мы будем скучать! Аликс, держи, это тебе передал князь Минич!

Она подбежала к окну, дотянулась и вручила мне записку. Я кивнула, зажала бумажку, вопросов у меня было море, но не задавать же их ребенку.

– Князь... – все-таки вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык.

– Это от него, – протараторила Лиза. Ребенок есть ребенок, хоть царский, хоть школьница с планшетом и в наушниках. Непосредственность, любопытство и желание во всем принять самое деятельное участие. – Я обязательно приду еще, – и, послав мне воздушный поцелуй, она пропала в кустах.

Я стояла и восхищалась водевильным умением императорских дочерей ускользать от бдительной прислуги и не менее театрально недоговаривать важное.

Я сунула записку в зубы и принялась опускать окно. Рама гроыхнула и застряла на середине, я выругалась про себя, взгляд упал на кровать – вот и пригодится кошелек, вряд ли кто станет лазить по личным вещам принцессы. Что там написал какой-то Минич, пока неважно, я все равно не знаю, кто он такой, а совершать безумства, будучи беременной, не собираюсь. А вот еда – еда мне нужна, мне нужно лопать за троих, не надушенными бумажками же мне питаться, иронизировала я, засовывая записку в кошелек, а кошелек запихивая под подушку.

Я как-то читала, что практика морить голодом и подвергать всяческим унижениям всех непокорных в добрые старые времена была обычной. Смольный институт отличался суровыми методами, воспитанницы мерзли и недоедали, а если девочка застужалась по-женски и пачкала постель, то ее заворачивали в мокрую простыню и выставляли в коридор на посмешище. Не то чтобы книга про попаданку была достоверным источником, но стал бы автор выдумывать мерзости ради красного словца?

Никто не сказал, что во дворце так не поступают с моими сестренками.

Я подошла к двери и начала в нее колотить. Не может быть, чтобы никого там не было, какой-то соглядатай непременно торчит, чтобы я не сбежала или не натворила глупостей.

Может, этот некто и слышал, как я открывала окно и разговаривала с сестрами, но не пошел бы он, по правде говоря?

Моя догадка подтвердилась хотя бы частично. Не сразу, но дверь открылась, зашла затянута в белое женщина с лицом идола с острова Пасхи и притащила поднос под крышкой, и пахло подношение изумительно. Не успела она выйти, как вошла дама. Красивая, не первой молодости, несколько нервная на вид, явно не из простых, и отдаленно знакомая. Где я могла ее видеть – возле своей постели?

– Ваше императорское высочество, – сдержанно проговорила она, задержав взгляд на моем животе, я сразу гордо его выпятила. Стесняться своего положения в угоду немыслимым правилам я не намерена. – Вам стоит вернуться в постель и лечь.

– Почему? – быстро спросила я. Дама не ответила, сверлила меня взглядом, поджимала губы – а это фирменный знак аристократии, хмыкнула я, сейчас я кинулась, спотыкаясь, исполнять все твои пожелания, по воле твоей кривой морды. Может, Аликс так раньше и поступала, но теперь привыкай к другой Александре.

Наша безмолвная дуэль продолжалась достаточно долго – настолько, что дама сдалась первой, потупила взор, и я решила, что в положении императорской дочери есть свои плюсы. Усмехнувшись, я подошла к столу, подняла крышку с подноса и оценила, что я теперь буду есть. Паштеты, икра, свежий хлеб, масло, варенье. К даме я повернулась спиной, поэтому не смогла в полной мере оценить, как она восприняла то, что я спокойно уселась на стул и намазала бутерброд икрой.

Не то чтобы я никогда не ела икру, но это лучшее, что придумано для беременных.

– Вам стоит одеться, ваше императорское высочество.

Иди к черту.

Я сосредоточенно жевала, следя, чтобы икра не падала на стол. Дама перешла в поле моего зрения, и я сразу вспомнила, где же я с ней встречалась. В вагоне поезда, это ее вместе с Марией вытаскивал герой в разорванном мундире, это она стояла и смотрела на меня под дождем. Гувернантка моих сестер? Фрейлина?

Теперь уже я рассматривала ее без стеснения. Лет сорока, но выглядит моложе – хотя что я знаю о том, кто как выглядит в эту эпоху? – сильно намазана если и не тональным кремом, то явно каким-то его прообразом, на скуле, пониже правого глаза, замечен совсем свежий синяк.

Это меня почему-то поразило так сильно, что я забыла про бутерброд. Я хорошо разглядела ее на месте аварии, и пусть не запомнила ее лицо так, что могла бы составить фоторобот, но была уверена, что никакой ссадины на ее лице не было.

– Вам стоит одеться, ваше высочество, – напомнила дама, стараясь не пялиться на то, как я ем. – Сейчас придет доктор, он уже ожидает.

«Он все равно будет меня раздетой смотреть», – хотела взбрыкнуть я, но сказала другое.

– Что с вами случилось?

Дама изобразила непонимание. Я сунула в рот остатки бутерброда, запоздало догадавшись, что особа королевской крови вообще не должна была есть его так, как ела я, но макнула следующий кусок хлеба в паштет ничтоже сумняшеся.

– Я прекрасно помню, что на вашем лице не было никаких ссадин, – безапелляционно заявила я. – Перестаньте на меня смотреть, как на диковину, возьмите стул, составьте мне компанию. И расскажите, что с вами произошло.

Даже под слоем грима дама пошла пятнами. Но, в отличие от меня, она лицо держать умела – а я даже учиться не собиралась.

Вполне возможно, жизнь заставит.

– Прошу покорного прощения у вашего императорского высочества, я не смею, – забормотала женщина, и взгляд у нее был как у загнанной в угол мыши. Сидеть в моем присут-

ствии ей было некомфортно. – Его императорское величество велели мне присутствовать при осмотре...

– Я спрашиваю, что с вами случилось? – с нажимом повторила я. – Откуда у вас ссадина на лице, которую вы так тщательно замаскировали, что вас теперь легко можно спутать с грошовой лицедейкой?

Откуда у знатной дамы могла появиться ссадина на лице?

– Вас кто-нибудь бьет?

Она была и так бела, как простынь в пятизвездочном отеле, и грим ее придавал ей еще большую бледность, болезненную, не иначе, – но от моих слов сравнялась оттенком с фарфоровой чашечкой, которую я держала в руках.

В эпоху альбомов и кринолинов любой делал вид, что ничего не заметил. Даже если бы дама в слезах и порванном платье выбежала из комнаты, а следом, ухмыляясь, вышел удовлетворенный кавалер, и тогда все лишь воспитанно отвернулись. Ничего не произошло. Ни к чему привлекать внимание, увеличивая чужой стыд. Обсудить можно, но – за спиной.

– Я последний раз спрашиваю, – рывкнула я. Терпение иссякло, зато раздражение перелестывало через край. – Кто вас ударил?

– Со всем моим почтением, ваше императорское высочество, – всхлипнула дама, в ужасе озираясь, но подмога не приходила к ней ни с какой стороны. – Это... это наше семейное...

– Значит, избил муж, – перебила я и встала. Дама подняться не успела, и мой живот оказался на уровне ее глаз, словно подсказывая, что ей предоставился шанс унижить меня в ответ, но разве она посмеет. – Какова же причина, по которой он поднял на вас руку?

Подчиненный условностям и строжайшим неписаным правилам ад из шелка и хрусталя. Не знаю, чему на моем месте обрадовались бы другие женщины. Предстоящему браку, или балам, или цацкам, или вот этим кошмарным, в пол, негнущимся платьям, или духам, от которых по первоначальной задумке должны были дохнуть вши, или реверансам, или еще какой-нибудь ничего не значащей мути.

В моей утробе росла маленькая жизнь. Две маленькие жизни. Может, я все-таки умерла, может, это и есть чистилище – когда немного благодати, а остальное – преисподняя?

– Алексис ревнив, ваше императорское высочество, – пролепетала женщина в запредельном отчаянии, а ведь я даже не успела прижать ее к стенке. – Он...

А вот сейчас я ступлю на тонкий лед.

– Вы были с нами, когда произошло крушение, – начала я уверенно, хотя внутри все похолодело. Я легко могу допустить ошибку, кто знает, чего она мне будет стоить. – Вы оставались с нами до конца, я это помню лучше, чем кто бы то ни было. И какой-то му...

Язык стоит придерживать, очевидно.

– У него, быть может, был повод, ва... – она замотала головой, и я обратила внимание, что глаза она то широко распахивает, то щурит, и что ей не сорок лет, как показалось вначале. Намного меньше. И еще было бы замечательно, если бы она назвала мне наконец свое имя.

– Да мне на это нас... плевать! – вовремя осеклась я и не столько испрашивая разрешения, сколько ставя даму перед фактом, взяла ее за подбородок и повернула к свету. – Дайте я посмотрю. Дайте салфетку. Любую!

Осторожно, стараясь не причинить боль, я промакивала ее лицо, снимая слои косметики. Тональник светлый, а ссадина осталась от сильного, но бережного удара. Бил, тварь такая, не до крови, но болезненно. Так бить умеет тот, чей опыт уже солидный.

По щекам женщины текли слезы и размывали жирный, неприятный, неестественный тон. Что-то говорило мне, что слезы не от обиды, не от облегчения, а от стыда или от уязвимости передо мной.

Я отпустила женщину, бросила салфетку на пол, – подберут, – заходила по комнате. В дверь давно кто-то робко скребся, я будто не слышала. Обычная для моего двадцать первого

века злоба на безнаказанность усиливалась гормонами, и внутри все кипело. Как с этим справиться, я пока понимала плохо.

– Был у вашего Алексиса повод, не было, – проговорила я, останавливаясь и смотря на женщину, – мне, как я уже сказала, плевать, я заставлю его ответить.

А дальнейшее стоило предположить.

– Не губите, ваше императорское высочество! – женщина рухнула на колени, поползла ко мне, униженно вымаливая пощаду. Она ползла, я пятилась. – Я не была ни вам, ни вашим сестрам близка, как покойная княжна Ливинова! Я резка и холодна с вами, признаю, но... – она остановилась, потому что я уперлась спиной в стенку, и закрыла лицо руками. – Разве я заслужила такую кару?

А может, и заслужила, рассеянно подумала я. Но, черт возьми, если я закрою глаза на то, что тебя лупит приревновавший подонок, завтра другая титулованная мразь ударит одну из моих подросших сестер, и ваше кичливое высшее общество прикинется не видящим и не слышащим.

– На меня будут показывать пальцем, – злорадно хмыкнула я после секунды раздумий. – И шептаться мне вслед. Но знаете что? Я не собираюсь затягиваться в корсет, не собираюсь скрывать свою беременность, тем более не намерена отсылать детей, куда мне прикажут. Меньше думайте о мнении света, сударыня, больше думайте о себе. Там не доктор пытается обратить на себя мое высочайшее внимание? Поднимитесь, утрите слезы, и пусть он пройдет и меня осмотрит. А после и вас.

Я ношу настолько пафосный титул, что мало кто решает послушаться. Пока дама вставала, и делала она это весьма неуклюже, ибо нечасто ей приходилось вытирать коленями пол перед кем бы то ни было, я задала ей еще один вопрос.

– Княжна Нина...

– Она погибла мгновенно, ваше императорское высочество, – отозвалась дама потерянно. – Мне искренне жаль, она была вашей хорошей подругой.

А еще она многое знала наверняка, я с ней делилась сокровенным.

Пока дама оправляла платье и хлопала себя по щекам, чтобы вызвать румянец и скрыть следы рыданий, я нашла и накинула пеньюар. Потом села на кровать, выпитив живот, и стала ждать.

На тщательный осмотр я не рассчитывала. Ни скрининга, ни анализов, ни назначений, одна надежда, что мать окажется крепкой, а малыши развиваются как положено. И я заполучила почти что фобию, когда доктор, пощупав живот, пожамкав запястье и оттянув мне веко, нахмурился.

– Что-то не так? – похолодела я.

– Вы, как мне кажется, уже вполне здоровы, ваше императорское высочество, – возразил доктор с таким диким акцентом, что я с трудом его слова разобрала. Он говорил, словно насовал в рот камней, но от жадности не может их выплюнуть, и простая фраза звучала как «уы, а мэ каэца, уэ понэ довоуы». – Ада уас уууи уови?

– Что? – хлопнула я глазами, ибо этот ребус оказался выше моего понимания. Какие брови, брови у меня вроде на месте? И чтобы убедиться, я провела пальцем по месту, где брови растут у всех людей.

Дама мило покраснела и быстро что-то спросила у доктора. Тот обрадовался, зачастил, и дама перевела:

– Он спрашивает, когда у вас были последние крови, ваше императорское высочество.

Нашел, конечно, что спросить, хотя вопрос-то закономерный.

– Я не помню.

Они опять заговорили на незнакомом мне языке, я ждала. Хотя бы узнать, какой у меня срок. Но доктор, скотина такая, раскланялся.

– Я вас не отпускала, доктор. Вернитесь и осмотрите ссадину на лице... мадам.

Женщина вспыхнула, я закусила губу. Похоже, назвать кого-то «мадам» просто так – обозначить хозяйкой борделя, но переживет. Доктор перекосялся, но лицо у меня было с субтитрами, понятными без всякого перевода.

Травматолог из него оказался лучше, нежели акушер-гинеколог. Бегло взглянув на ссадину, он повернулся ко мне и с поклоном начал жевать камни. Я его почти не понимала и морщилась, а он считал, что обращаться за помощью к пострадавшей даме на этот раз не стоит. Наконец он обрадованно вскинул руки и покрутил кольцо на пальце, и меня осенило.

Обрабатывать рану дама доктору не дала, я настаивать не стала.

– Видите, – довольно хмыкнула я, когда доктор ушел, – он прекрасно разбирается в телесных повреждениях и чем их нанесли. На его родине, полагаю, никто не стесняется заявлять о побоях.

– В его стране женщины могут учиться в университетах, – неприязненно заявила женщина, – и лет десять назад у них запретили наказывать жен.

«Наказывать». Все хуже, чем мне казалось.

– Вы же сами рассказывали мне об этом, ваше императорское высочество, – покачала она головой. – И тогда вам не слишком нравились эти порядки. Простите, что вынуждена напомнить вам, – добавила она с плохо скрываемой радостью мелкой мести, – что вас не радовал будущий брак с наследным принцем наших соседей.

А вот это туше.

Глава пятая

Какие причины у Александры не радоваться предстоящему браку с наследником просвещенной страны? Самым очевидным еще несколько месяцев до появления на свет.

Я ходила по комнате, рассматривая интерьер. Звенящая роскошь. Ощущение, что случайно не так что-то сделаешь или скажешь, и хрустальный мир разобьется. Изранит мельчайшими осколками, вопьется под кожу.

– Алексис избил вас из ревности, – задумчиво произнесла я. Я не знала, как зовут мою собеседницу, зато заочно познакомилась с порядочной мразью – ее мужем. – Не потому ли, что вы показались на людях в неглиже?

– Не мне одной эта ночь принесла много боли, ваше императорское высочество, – немедленно отозвалась дама с учтивым кивком, но в голосе слышалось злорадство. – Если бы вас не увидели в таком виде, вы могли бы скрывать ваше положение еще много времени.

Я посмотрела на живот. Его на хороший аппетит не спишешь, но дети шевелятся в животе как бабочки. Удивительное чувство, хочется отрастить крылья и взмыть над грешной и осуждающей землей.

– Месяц? Два? – равнодушно хмыкнула я. – Узнали и узнали.

– Вы не понимаете, ваше высочество, последствия вашего безрассудства?

– Да бросьте, – я легкомысленно махнула рукой. – Все, что меня интересует, это рождение здоровых и крепких малышей.

Если узнали, что их двое, значит, уже бьются крошечные сердечки, и я с улыбкой, которую дама, вероятно, назвала про себя придурковатой, посмотрела ей в глаза. И решила, что в глазах добропорядочной женщины я выгляжу девицей очень легкого поведения. Без сомнений, в глазах семьи я выгляжу точно так же, и настроение мое упало.

Не потому, что меня заботило мнение кого-то, кого я пока не знала. Но власти у этого кого-то хватало, чтобы не только удалить меня черт знает куда, но и приказать забрать детей силой. Вполне может быть, что после родов я буду не в состоянии помешать.

– Помогите мне. Его величество хочет всеми силами замять скандал. Не знаю, как ему удастся решить вопрос с моим браком, но что-то придумает, он же политик. С детьми меня намерены разлучить. – И на немой вопрос я пояснила: – Моя будущая мачеха любезно выложила все планы моего отца. Я с ними не согласна.

– Графиня Потоцкая мудрая женщина, – неожиданно для меня заметила дама, покачивая головой. – Я всей душой скорбела по вашей матушке, но брак его императорского величества с графиней, возможно, спасение для всей империи. И дело не в том, что династии нужен наследник.

И вашим, и нашим, поняла я. Дама этого не скрывает, и это не откровенное двуличие, а способ выживания. Или она выживет, или ее выживут.

– Иными словами, вы не пойдете против графини Потоцкой, – я запахнула пеньюар, прошла к столу и села. Есть мне уже не хотелось, зато разболелась пострадавшая при аварии нога. – Уже известно, что случилось с поездом?

Откуда бы я ни ждала беды, она может настичь меня внезапно. Если крушение было не чьей-то халатностью, а покушением, мне стоит принять предложение пересидеть у черта на куличках срок, оставшийся до родов, и настоять, чтобы со мной оставили сестер.

– Все, что я знаю, слухи, – заупрямилась дама, и мне захотелось запустить в нее вилкой. Она настолько близка к семье правящего императора, что слухи – приватные беседы за завтраком. – Его императорское величество себя казнит за торопливость.

Я все-таки взяла со стола нож, перевернула его рукояткой вниз и несколько раз требовательно постучала.

– Они считают, – нехотя выдавила дама, не уточняя, кто «они», я сделала вывод, что инженеры. В это время не было и быть не могло комиссий в полиции и министерствах. – Состав превысил скорость и потерял управление. Погибло много людей, к счастью, в вагоне прислуги.

Я скрипнула зубами, заставив себя сперва перевести ее бесчеловечные слова на нормальный язык. «К счастью» – потому что могла погибнуть императорская семья. Наследников нет, а значит, смута была бы неминуема.

Нож выпал у меня из рук, глухо звякнул о сияющий паркет. В нашем вагоне погибли два человека. Княжна Нина и Александра. Не два – четыре, но что-то щелкнуло у демиурга в его безбашенной голове, и он в последний момент выдернул старшую дочь императора из-под схлопнувшихся будто картон металлических стен, вложил в обессиленное тело первую попавшуюся осиротевшую душу – женщины в самом расцвете сил, с богатым жизненным опытом, чей искалеченный труп остался лежать в горной далекой деревушке под руинами гостиничного ресторана. Три сердца забились вновь, и жизнь продолжалась.

Мне предстоит прожить эту жизнь.

– Я не хочу от вас больше слышать подобных людоедских заявлений, – отрезала я и отпнула упавший нож под стол. – И прошу представить мне завтра же список погибших. Узнайте все про их семьи, про их материальное положение, и посчитайте, какую сумму мы должны платить им ежемесячно, чтобы и дети, и старики жили достойно. Что вы так смотрите, я что, от вас многого прошу?

Будет замечательно, если ты мне еще и представишься, но об этом, похоже, не стоит даже мечтать.

Я оказалась в ситуации, с которой непросто справиться. Значит, я буду делать то, что могу, чтобы окончательно не рехнуться.

Из двадцать первого века с его шестнадцатичасовыми перелетами, фотографиями с поверхности Марса, связью, доступной практически повсеместно, человеческими органами, печатаемыми на принтере, и бесконечным потоком информации, неважно уже, фальшивой или правдивой, меня откинуло на сто пятьдесят лет назад. Здесь все еще не говорят вслух о том, что кто-то когда-то счел постыдным, за этикетом прячут невообразимую грязь, считают, что отнять у матери детей – совершить благо и с облегчением вздыхают, узнав, что старуха с косой насытилась простолюдинами.

Мне нужно всему учиться заново. Я не хочу, но у меня нет другого выбора. В отместку я могу бить эту реальность наотмашь, совершая поступки, о которых здесь и сейчас помыслить никто не может.

Меня затают в корсет и заставят улыбаться на потеху ликующим верноподданным, даже если сердце мое будет рваться от горя. Я воплощаю чужие амбиции, я материал, политический капитал – с подмоченной, правда, репутацией, но вряд ли обо мне забудут насовсем. Значит, своим положением я буду пользоваться не меньше, чем те, кто имеет рычаги давления на меня.

– Я попрошу принести мне одежду.

Пока ты будешь за ней ходить, я узнаю, что написал мне князь Минич. Может, пойму, кто он такой. Тоже, наверное, бесполезный, как и эта мадам. От доктора только толк и есть.

– И я хочу немедленно поговорить с его величеством.

– Ваше императорское высочество, это невозможно, – тихо, но твердо ответила дама, и я нахмурилась. – Его императорское величество и великие княжны уже отбыли в столицу. Вы останетесь здесь до самых родов. Простите, ваше императорское высочество.

Итак, я погрязла в злобном самоедстве на полчаса. Ругая себя за потерянное напрасно время, я позволила надеть на себя нечто, напоминающее комбинацию, панталоны, чулки, турнюр, подъюбник, нижнюю юбку и наконец платье. С каждым чертовым предметом гардероба я тяжелела на килограмм, платье стесняло движения, было мне, разумеется, мало и не сходилось на животе.

– Ваше императорское высочество, – негромко взмолилась одевавшая меня Глафира Порфирьевна, та самая женщина, которая безотлучно сидела возле моей постели. – Если бы вы надели корсет...

– Исключено. Посмотрите, что еще есть, – и я кивнула на сундук, который по моей просьбе принесли в комнату.

Глафира Порфирьевна, увидев, как изменилось мое лицо, виновато запричитала, что мои вещи удалось спасти не все, сундук – единственное, что не сгорело, но мне еще невероятно повезло, поскольку... на этих словах княгиня Самойлова, Анна Николаевна, вот я и узнала имя моей надзирательницы! – предупреждающе закашляла, Глафира осеклась, а княгиня вышла. Мне показалось – чтобы не быть причастной к тому, что Глафира проболтается.

Но Глафира оказалась кремень и делала вид, змея, что не слышит ни моих прямых вопросов, ни хитрых намеков. Или же я разучилась хитрить.

Обозленная, я высказала Глафире все, что у меня накопилось. Отправлять людей в огонь для того, чтобы вытащить какой-то сраный сундук с барахлом, мне казалось преступным. Глафира, бедная, так и села с моим исподним в руках, и черт ее знает, что она навоображала себе, услышав от дочери самодержца слово «сраный».

– Есть такое платье, как на вас, Глафира Порфирьевна? – поинтересовалась я, и Глафира, умудрявшаяся копаться в покореженном, даже обгоревшем сундуке с совершенно прямой спиной, вздрогнула, не торопясь, выпрямилась, повернулась, помотала головой, и от меня не укрылся стыдливый румянец на ее щеках.

Что я такого спросила, черт возьми?

– Высшие силы с вами, ваше императорское высочество, – растерялась Глафира Порфирьевна. – Сии фасоны носили, когда вы еще девочкой были. Откуда такое.

– У вас есть еще? – я изо всех сил постаралась не закатывать глаза, напомнив себе, что Глафира не виновата ни в церемонностях, ни в том, что я, как выяснилось, одевалась по моде. – Если еще такое же платье, как на вас? Если есть, то несите. Оно мне будет как раз.

Как бы ее императорское высочество ни чудила, возражать ей себе дороже, и Глафира ушла, а я подумала, отвязала турнюр, бросила его на кровать и рассмотрела корсет. Значит, дура-Аликс даже не носила платья устаревшего фасона, а утягивала живот. Чем она думала, у нее вообще были мозги, или голова ей была дана, чтобы есть, целоваться и носить, когда нужно, на ней корону?

Я швырнула корсет к турньюру, обняла руками живот. Будь я одна, поступила бы, как один мой современник, самый что ни на есть настоящий принц. Но то, что мог позволить себе образованный парень двадцать первого века, вряд ли могла позволить себе я. Уровень жизни упадет несравнимо, а детям я не просто хочу дать самое лучшее, я в зубы настучу любому, кто попробует откусить кусок моего пирога. Сестры малы и вряд ли станут сражаться со мной за благосостояние, а мачеха витиевато намекала, что мне надо присмиреть и уступить ей место. Как бы не так, не то чтобы мне важен трон, сама сиди на этом чертовом троне, если сумеешь, но жилье, деньги, возможности – это все принадлежит моим детям.

Мальчики или девочки, или сын и дочь? Главное, чтобы они родились здоровенькими и в срок. Здесь никто не поможет, если вдруг что-то пойдет не так.

Я хлопнула себя по лбу. Со всеми тревогами я забыла про письмо князя Минича, будь он неладен, а момент прочитать его был подходящий.

Князь был дурак, хотя я понятия не имела, кем он вообще является. Записку мог прочитать любой, и Лиза наверняка это сделала, а узнать, заглядывал ли кто в письмо, возможности не было никакой. Как нацарапал, так и сложил, запечатал бы хоть сургучом для верности, но нет. Знакомцы у Аликс были такие же бестолочи, как и она сама.

«1615 dil ma perle».

Что же, зато для всех любопытных это такой же ребус, как и для меня. Я сунула записку в кошелёк, мысленно пожелав князю вместе с ней куда-нибудь исчезнуть.

Вернулась Глафира, принесла мне нормальное, с моей точки зрения, платье. Да, оно было не новым, воняло горькой травой, зато прекрасно собиралось под грудью и не давило на живот. К нему прилагались подъюбки, ещё похуже, чем тот, что напялили на меня, и я клацнула зубами так, что бедняжка Глафира была готова провалиться сквозь землю.

Я набросила на плечи плащ, отороченный мехом, подумала, взяла кошелёк, сунула его за пазуху и вышла. Осмотрюсь, что станет моей тюрьмой, решу, стоит ли мне оставаться.

Воздух был морозный и терпкий, небо низкое, деревья посбрасывали листву, клумбы в саду осиротели. Не сказать, что княгиня абсолютно не смотрела за садом, но, скорее всего, наскоро нашуршали, когда приехала императорская семья. Дорожки почищены, но выложены небрежно и давно, часть камней повывлетала с тропинок, и от греха подальше их убрали. Вазоны никто не белил уже несколько лет, грустные статуи посерели, в фонтане плавала дохлая мышь. Столь же заброшенным казался и особняк – одноэтажный, каменный, основательный, но облупившийся. Не то чтобы человек с неплохим состоянием непременно должен дрыхнуть на дизайнерской мебели и есть с тарелок не из масс-маркета, вовсе нет, не все помешаны на интерьере, удобно жить, и ладно. Но у богатого человека не будет протекать крыша и совершенно точно не будет разбито окно, потому что комфорт и безопасность это не про субъективный уют и красоту.

Хозяйственные постройки стояли в отдалении и выглядели ещё более убого, чем господский дом. Пока я проходила по комнатам, состояние имения в глаза не бросалось – наоборот, все выглядело броско, а снаружи запустение и заброшенность скрыть не вышло. Дверь курятника была нараспашку, по двору бродили мокрые куры, и в супе эти тощенькие экземпляры смотрелись бы очень невесело. Крестьянка гремела ведром, но меня не видела, я улучила момент и заглянула в коровник. Меня приветствовали тоскливым «му-у».

– ...то, Матрешка, коли барин на карты царские деньги не спустит, то и поправим, глядишь, дела, – услышала я и судорожно заметалась. Никто не погонит меня со двора, смелости ни у кого не хватит, но чужой разговор – информация, которой мне так не хватало, и пусть как можно дольше и откровеннее говорят.

Едва не поскользнувшись на коровьем дерьме и подумав, что, в общем-то, в большее дерьмо я вряд ли вляпаюсь, я заскочила за открытую дверь. Даже если застанут и посчитают оскорблением, проглотят. Мое положение незавидно, зато я могу им козырять.

– Долго великая княжна-то пробудет? – раздался второй голос, совсем девчоночий. – А что, она сильно болеет?

– Сильно, не сильно, – проворчала первая женщина. – Ты, Матрешка, языком-то не мели.

Она загромыхала ведрами, я застыла – не в коровник направляются? Нет, остались пока на дворе, надолго ли.

– Одним глазком бы взглянуть! – мечтательно протянула Матрешка. – Мыслимое дело, сама великая княжна!

– Да такая же баба, как мы с тобой, – незло рассмеялась женщина. – На-ка вот, подсоби, да не пролей смотри! Что тебе княжна, вон на барыню нашу глянь. Ты вот за Егорку все замуж хочешь, а что барин, что Егорка – одна беда. Лучше уж как Полкан мой покойный, да где тебе Полкана такого взять. Цы-ы-ыпа-цыпа-цыпа!..

Оголодавшие куры со всех ног понеслись к зерну, хлопая крыльями и громко матерясь. Их хриплое квохтанье напоминало попытку завести давно погибший движок моторной лодки.

– Скажешь, тетя Лукерья, – всхлипнула Матрешка. – Дядя Полкан, он же кривой, хромой был!

– А зато не бил! – рявкнула на нее Лукерья. – Барыню давеча видала? То-то. Как я девкой рыдала – не передать. Кривой, хромой, а зато как стерпелось – добрый да ласковый, работающий,

ни минутки без дела не сидел! Да у меня лучшая изба была, а хозяйство какое! А детки? Из одиннадцати ни один не помер, все в люди вышли. А Егорку твоего лупить самого, пока дух не вышибешь, да куда тебе, ему бы Марью в жены, чтобы оглоблей, чуть что, поперек спины.

Интересные нравы, но выводы Лукерьи мне нравятся. Вот кто определенно понял жизнь. Но выходить я все-таки не рискнула. Корова опять замычала, и мне пришлось вжаться в стену – Лукерья зашла, начала возиться возле стойла, я стояла, стараясь не дышать.

– А барыню барин пошто бьет? – прозвучал голос Матрешки прямо за дверью.

– Да не твоего ума это дело, трещотка, – осекла ее Лукерья, а Матрешка вошла в коровник, встала ко мне спиной, и я видела только ее грубое серое платье и толстенную золотистую косу. Не такая уж она и девочка, как показалось, лет пятнадцать-шестнадцать ей есть. – Пошто бьет... Может, при княжне-то и присмирееет. Царские мужики весь барский дом перерыли, все избы, а кольца так и не нашли. Пропало кольцо, а нам и слава небесам, что взятки гладки.

Она, заинтриговав меня сверх всякой меры, с грохотом поставила очередное ведро, вышла на двор, и я оглохла от куриного протеста. С руганью Лукерья ловила курицу, а когда наконец охота увенчалась успехом, кликнула Матрешку «башку рубить», я осталась в коровнике одна, и загадок у меня прибавилось.

Что за пропавшее кольцо и почему крестьянки рады, что его не нашли? Первая мысль – с них сняли подозрения в краже, вторая – если у моих гостеприимных хозяев так плохи дела, то не они ли присвоили то, что плохо лежало? Но красть у императора, а судя по тому, что обыск устроили «царские мужики», так и было, – это надо окончательно рассориться с головой и даже допускать, что ее вовсе лишишься.

Мой коронованный батюшка щедр, с досадой подумала я, раз отстегнул на мое содержание, но даже холопы догадываются, куда эти деньги пойдут. С этой мыслью я вышла на улицу и вытащила кошелек, чтобы еще раз прочитать записку. Чем черт не шутит, вдруг свежим взглядом я увижу в ней скрытый смысл.

Я зажмурилась, поморгала, сунула в кошелек тонкие нежные пальчики. Записки не было, словно я ее туда не клала, но я ведь еще из ума не выжила?

Я попыталась вспомнить, приближалась ли Глафира к моей постели. Нет, я бы заметила, значит, записка здесь, надо искать получше. В сердцах я защелкнула кошелек, а когда открыла снова, то сразу зацепила ногтем оторванную подкладку, и там, укропно, и лежала записка.

«1615 dil ma perle».

Глава шестая

Яснее ничего не стало. «Perle» – это жемчужина, но «1615 dil ma» оставляло массу вопросов. Я повертела записку, посмотрела ее на свет, подумала, что на бумажке достаточно места, чтобы написать важное лимонным соком или молоком.

Нагрею на свече, решила я и снова отправила записку в кошелек, а кошелек – за пазуху. Наступал вечер, начинало холодать, но в плаще даже в легком платье я не озябла, уходить в дом не хотелось, и я пошла, не спеша, с хозяйственного двора в парк. В то, что от него оставила осень.

Деревья тянули к низким облакам тонкие дрожащие ветки, словно молились о чем-то, и под ногами шуршала опавшая, неубранная листва. Скоро зима, наверное, здесь такие же времена года, как и в моем мире, и все будет мне назойливо напоминать о том, что я потеряла. Свое положение, свое влияние, свою свободу, своих близких. Взамен я получила статус – выше не бывает, но влияние придется завоевывать, а без влияния свободы не видать. Родившая без мужа дочь императора – да, позор. Как доказать, что никто не имеет права смотреть на меня из-за этого косо?

Тихий плач я услышала, когда обходила дом, и остановилась. Окно было чуть приоткрыто, но занавешено, и мне стало интересно взглянуть на комнаты княгини Самойловой. Настолько же они хороши, как мои? Или больше похожи на прочее, что я вижу – словно дом человека, которому недолго осталось. Прибрано заботливыми руками сиделки, но так, чтобы наниматель не попрекал бездельем: старушка спит, а деньги капаят.

Остаться или уехать? Свой дом я найду без труда, любой ванька укажет мне императорский дворец, в эти времена селебритиз от народа не скрывались, да и невозможно скрыться, когда все твои экипажи и свита наперечет известны всем и каждому. Что я буду делать в этом имении – только ждать, что я буду делать во дворце – отстаивать свои интересы.

Во что бы то ни стало мне нужно всем показать свое «интересное» положение. Велик шанс, что подданным объявят о смерти моих детей во время родов, но равно есть вариант, что поостерегутся.

Здесь у меня вариантов нет. Здесь я заложница. Я пожевала губу, прислушиваясь к рыданиям. Занавеска чуть колыхнулась, и я убралась, прошлепала вдоль стены, поднялась на крыльцо, хлопала по шее мраморного льва, разинувшего пасть. И вроде выглядит зверь внушительно и эффектно, но с общим видом дома вяжется надрывное «дай пожрать».

Я вошла, и пожилой мужчина в поношенном фраке с чужого плеча поклонился мне в пояс. Раболепие покорило, я с трудом заставила себя держать спину ровно и промолчать. Лакей принял у меня плащ, и без всякой связи с его угождением меня посетила блестящая, как мне показалось, идея.

– Князь у себя? – спросила я с граничащим с неприязнью безразличием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.